Василенко Ольга Алексеевна

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ТРИКСТЕР СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ XVI ВЕКА)

Статья раскрывает проблему освоения иностранных языков как социокультурную проблему, как трикстер социальных преобразований и социокультурной модернизации в России XVI века. Основное внимание автор акцентирует на положении, что любой иностранный язык в каждой конкретной стране, и в особенности в России, производит подлинную революцию в образе жизни, взглядах, привычках, быте и нравах обывателей, порождая наступление совершенно новой исторической эпохи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 39-45. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Арендт Х.** Vita active, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. **Аристотель.** Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 375-644.
3. **Бауман З.** Возвышение и упадок труда // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 77-86.
4. **Гиро П.** Частная и общественная жизнь греков. Петроград: Издание Товарищества О. Н. Поповой, 1915. 686 с.
5. **Зарубина Н. Н.** Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: Магистр, 1998. 359 с.
6. **Золотухин В. Е.** Парадоксальная сущность труда // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 150-151.
7. **Каган М. С.** Философская теория ценностей. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.
8. **Сеннет Р.** Коррозия характера / пер. с англ. В. И. Супруна. Новосибирск – М.: ФСПИ «Тренды», 2004. 296 с.
9. **Сидорина Т. Ю.** Труд: его кризис и будущее в контексте трендов мирового цивилизационного развития // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 22-33.
10. **Стэндинг Г.** Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
11. **Тощенко Ж. Т.** Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005. 333 с.
12. **Шипелик О. В.** «Труд» и «историческая форма труда»: соотношение понятий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42). Ч. 1. С. 212-214.
13. **Шкуркин А. М.** Феномен труда: синергетический взгляд // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 122-131.

SOCIAL CAUSES OF DUAL NATURE OF LABOUR

Bur'kov Vladimir Vasil'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Shipelik Ol'ga Vasil'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Southern Federal University
bww-2009@yandex.ru; o.v.shipelik@gmail.com

The article is devoted to the problem of dual nature of labour. Applying the historical approach the authors substantiate a statement that causes of dual nature of labor – labor as a burdensome necessity and labour as creativity – have foundations in social conditions of life. Before emergence of private property labor had the highest value. Dehumanization of labor is conditioned by relations of private property turning it into a heavy duty. Labour relations of the society and their reflection in ideology of the epoch are social causes of dual nature of labour.

Key words and phrases: labor as punishment; labour as creative activity; private property; flexible forms of labour; precariat; ideological concepts.

УДК 1; 740
Философские науки

Статья раскрывает проблему освоения иностранных языков как социокультурную проблему, как трикстер социальных преобразований и социокультурной модернизации в России XVI века. Основное внимание автор акцентирует на положении, что любой иностранный язык в каждой конкретной стране, и в особенности в России, производит подлинную революцию в образе жизни, взглядах, привычках, быте и нравах обывателей, порождая наступление совершенно новой исторической эпохи.

Ключевые слова и фразы: иностранный язык; трикстер; социокультурная модернизация; социокультурные парадоксы; социополитические, экономические, социокультурные трансформации.

Василенко Ольга Алексеевна
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
vasilenko201076@mail.ru

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ТРИКСТЕР СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ XVI ВЕКА)

На протяжении всей великой и многострадальной истории нашей страны с разной степенью социокультурной катастрофичности меняются эпохи, ценности и идеалы, вследствие чего происходит кризис перехода от старого к новому состоянию и наблюдается смещение традиционных культурных оснований.

Этот сложный процесс самым непосредственным образом связан с потребностью осмысления модернизирующей и жизненно определяющей функции доминантного иностранного языка в той или иной культурной среде. По существу, входящий в новое культурное пространство иностранный язык вынужден на какое-то время предопределять смысловое и интеллектуальное содержание так называемой «культуры влияния», транслирующей на нашу страну, да и любую другую, свои особые стили и формы существования, а уже затем – принципы и стандарты поведения. В современной общественной науке проблема освоения иностранных языков как социокультурная проблема и философско-рефлексивная «данность» еще не получила должной теоретической фиксации, более того, еще даже не начала в самом первом приближении осмысляться в качестве особой теоретической задачи. Между тем любой иностранный язык, приходя в чужую страну

со своим культурно-историческим заданием, со своим смысловым и ментальным «кодом», неизбежно является, по существу дела, неким «трикстером» глобальных социальных преобразований и экономической трансформации, которую, так сказать, ведет за собой, направляет в ту или иную сторону, вызывая зачастую парадоксальные процессы и противоречия в реформирующейся стране. Оговоримся, что под «трикстером» мы понимаем некое «созидательное отрицание», приносящее в мир смерть, а вместе с ней и массу новых возможностей. Все вещи «являются» чем-то только в связи с тем и благодаря тому, чем они «не являются»: структура подразумевает антиструктуру и не может существовать без нее [26, p. 147]. «Накладываясь» на чужую языковую среду, языковой трикстер производит подлинную революцию в образе жизни, взглядах, привычках, быте и нравах обывателей, причем эта «революция» зачастую бывает настолько радикальной, что порождает наступление совершенно новой исторической эпохи.

Особая жизненная и социокультурная значимость проблемы освоения иностранных языков проявляется, как мы уже отметили выше, именно в переходные периоды – периоды фундаментальных общественных преобразований, геополитических, экономических, культурных трансформаций. Поэтому мы берем на себя смелость констатировать, что любой иностранный язык в каждой конкретной стране, и в особенности в России, выступает мощным трикстером социальной модернизации, позволяя социуму увидеть действительность в несколько ином виде, а затем привыкнуть и адаптироваться к новым культурным реальностям и формам поведения. Главное здесь – найти в них себя, а найдя – научиться жить заново, будучи обогащенным новым языковым и социально-культурным опытом.

Пытаясь провести социокультурную реконструкцию нескольких переходных периодов становления и развития Российского государства, мы постараемся в силу наших возможностей описать социокультурные парадоксы и духовно-ценностные детерминации освоения иностранных языков в России, в которых закладываются основы будущего государства, задачи и приоритеты его гражданского строительства. Вся история России свидетельствует о том, что она то закрывалась, то открывалась как для Европы, так и для Азии. В период «закрытия» русские культивировали иностранный язык как язык делового, политического и дипломатического общения, и, таким образом, иностранный язык не становился всеобщим народным достоянием. В период же «открытия» иностранный язык «поступал» в народ, иногда принудительно, а иногда и не без элементов насилия, и в силу этого являлся трикстером социокультурных преобразований, меняя привычки, образ жизни народа, способ существования. В период «закрытия» он проявлял себя сугубо инструментально, а в период «открытия» иностранный язык начинал существовать как один из компонентов масштабной системы преобразования и реформирования России в целом. В этом смысле для нас чрезвычайно интересна история России XVI века, к которой в рамках поставленной нами проблемы мы попытаемся отнестись не в исторически описательном плане, но скорее в философски рефлексивном, подразумевая, что данности истории – это всего лишь внешнее проявление глубинных социокультурных проблем и противоречий, зачастую крайне далеких от поверхностного взгляда. Поэтому, как нам представляется, именно чужие языки, пришедшие на отечественное языковое поле, могут быть одним из скрытых «маркеров», которые выявляют фундаментальные основания происходящих социополитических трансформаций и их будущие жизнеопределяющие социокультурные смыслы. Возьмем это предположение за гипотезу и присмотримся к существу дела. Вообще, по-видимому, изучение того или иного иностранного языка в той или иной стране ни в коей мере не являлось случайным; оно было непосредственно и опосредованно мотивировано внутренними и внешними задачами ее развития.

Так, история России XVI века – это, как отмечают многие исследователи [7; 9-11; 20; 21], эпоха интенсивного социального, экономического, политического, гражданского и культурного развития страны; время напряженной реформаторской деятельности и становления государства. Нельзя не заметить, что описание феномена освоения языка в данной эпохе осложнено малочисленностью источников информации. Тем не менее мы все же попытаемся провести некую социокультурную реконструкцию эпохи и на основании этого понять: какой язык тогда был востребован, в какой форме он себя проявил и как повлиял на культурно-исторический ход развития России.

Новые границы Российского государства XVI века поставили его в непосредственное соседство с внешними иноплеменными врагами Руси – шведами, литовцами, поляками, татарами. Это соседство ставило государство в положение, которое делало его похожим на вооруженный «лагерь», с трех сторон окруженный врагами. Вообще, любой «лагерь» контактирует как с внешними противниками, так и внутренней оппозицией, противостоящими ему каждый на свой особый лад и стиль. Именно поэтому вынужденный ориентироваться как на внутренние проблемы, так и на внешний мир, с его сложными социально-политическими коллизиями, иностранный язык, несомненно, играет огромную преобразовательную роль. Здесь особенно характерно, что Российскому государству XVI века приходилось бороться на два растянутых и изогнутых фронта: северо-западный, европейский, и юго-восточный, обращенный к Азии. На северо-западе борьба изредка прерывалась кратковременными перемириями; на юго-востоке в те века она не прерывалась ни на минуту. Такое состояние непрерывной борьбы стало уже совершенно нормальным для государства в XVI в., и барон С. Герберштейн, наблюдавший Московию при отце Грозного, вынес такое впечатление, что именно для нее мир есть некая случайность, а война есть в своем роде «естественное состояние» [8, с. 597-598]. Геополитик и создатель исторической школы славистов В. И. Ламанский в своей книге «Геополитика панславинизма» неоднократно указывал на связь политического могущества, крепкой государственности с языковым доминированием [11, с. 31, 64, 107, 198].

Фактически во времена царствования Иоанна IV русские уже знали польский, греческий, латинский, татарский языки, а поскольку государство-«лагерь» контактирует с разного рода соседями – как с друзьями,

так и врагами, причем те и другие при определенных исторических обстоятельствах способны меняться местами, то и иностранный язык, избранный народом и элитой в качестве модернизационной основы, здесь не может не оказывать огромное преобразовательное значение. На формирующееся молодое государство, согласно Л. Н. Гумилеву, усиленно давит «сила вещей», т.е. сложное соединение рационально фиксируемых и иррациональных процессов и обстоятельств, которые зачастую невозможно представить в виде жестких интеллектуальных схем и установок [5, с. 161]. Вообще, для России характерна особая парадоксальная логика развития событий, когда именно предшествующие события определяют последующие. Например, европеизация правящего класса в России XVI в. с усиленным привлечением к этому иностранцев привела к подрыву и разрушению «подсознательной философской системы, которая в Московской Руси объединяла в одно целое религию, культуру, быт и государственный строй и на которой держалась вся русская жизнь» [23, гл. 6]. А именно «европейское иго», по суждению Н. С. Трубецкого, превратило Россию впоследствии в милитаристическое и крепостническое государство [Там же, гл. 2]. Плодами же романо-германской языковой школы, по нашему мнению, стали события не только петровской эпохи, но и современности, отголоски которых мы наблюдаем и по сей день.

Л. Н. Гумилев в своем произведении «Черная легенда (историко-психологический этюд)» отмечал, что Российское государство XVI века старалось избавиться от татарского данничества, и, с одной стороны, это была сугубо рациональная установка, а с другой стороны, явная историческая необходимость [6, с. 13]. «Два века татары приходили на Русь как агенты чужой и далекой власти. Они защищали Русь от Литвы, как пастухи охраняют стада от волков, чтобы можно было их доить и стричь» [5, с. 419]. Тем не менее, разоряя народ материально, татары оставили нетронутыми его дух и душу. Именно это создало предпосылки воссоздания на Руси нового типа государственности и нового типа культуры. По глубокому и оправданному убеждению Н. С. Трубецкого, «Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам и никому другому. Татары – “нейтральная” культурная среда, принимавшая “всяческих богов” и терпевшая “любые культы”, – пала на Русь, как наказание Божье, но не замутила чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся иранским фанатизмом и экзальтацией, ее бы испытание было бы многожды труднее и доля – горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу» [24, гл. 6]. Татары не изменили духовного существа России; но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно-организующей силы они, несомненно, повлияли на Русь совершенно особым образом.

Согласно историку В. О. Ключевскому, татаро-монгольское иго показало уникальную способность русского народа преодолевать самые тяжелые невзгоды и подниматься «из пепла» [10, с. 176-177]. Именно это до конца непостижимое рационально и составляющее, быть может, сокровенную тайну русского духа сочетание материального обнищания и духовной свободы создало предпосылки воссоздания на Руси нового типа государства с совершенно своеобразным типом культуры, христианским по духу и этатистским по задачам и формам социально-политического строительства. О парадоксальности воссоединения в единое духовно-ценностное основание дара подчинения и дара свободы, максимально соответствующих христианским духовным установкам и, как это ни удивительно, отвечающих ментальному устроению русского национального типа (и, быть может, только его одного), можно прочесть у апостола Павла, будущего великого миссионера язычников: «…мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» [14, гл. 2]. Соединение же духовной свободы и материальной нищеты закрепило на Руси духовную сущность подлинной христианской культуры, поэтому глубинные антиномии христианской души, христианского духовного устроения как никогда были понятны и восприняты русскими именно в период татарщины.

Вместе с тем, как это ни парадоксально, обогащаясь материально, татары утратили дух и волю, то есть именно то, что называлось Л. Н. Гумилевым «пассионарностью» [5, с. 2-4]. Несомненным следствием этого явилась последующая реинтеграция татарского этноса на Русь со своим языком, образом жизни, приемами бытия и формами поведения. К чему же это привело в реальности?

Так, во-первых, огромный пласт татарских понятий вошел в русскую культуру и остался там незыблемо, принеся свои изменения в быт, одежду, словесность, законы, в сферу государственного строительства и сферу торговых отношений, воинского дела, культуру межличностного общения, например, атаман, караул, деньги, дорога, колымага, лачуга, сабля, ямщик [1, с. 112-147].

Более того, татары ввели в Россию общегосударственную монгольскую сеть почтовых путей, организовали сложную систему путей сообщений, основанную на общегосударственной ямской повинности [23, с. 57]. Тюркская языковая основа обрусела и стала восприниматься впоследствии в качестве языка бытового общения, в чем, собственно, и проявилась способность русского народа все новое под себя прилаживать, усваивать, ассимилировать [11, с. 31].

Многие из русских исторических и современных фамилий являются тюркскими по происхождению, поскольку основная масса русских семей тюркского происхождения имела своими предками выходцев Золотой Орды, что хронологически относилось к концу XIV в. и XV в., например Тургеневы, Кутузовы, Годуновы, Куракины и т.д. О связи многих известных дворянских дворов с выходцами Золотой Орды свидетельствуют и геральдические признаки – наличие в гербах колчанов, луков, ятаганов, стрел, восьмиконечных звезд и т.д. [2, с. 279].

В свое время Н. М. Карамзин полагал не без основания, что хотя «нашествие Батыево, кучи пепла трупов, неволя, рабство толь долговременное, составляют, конечно, одно из величайших бедствий, известных нам

по летописям государств, однако ж и благотворные следствия несомнительны» [8, с. 653]. Он видел положительное влияние татарской культуры и языка в утверждении самодержавия и, быть может, не ошибался, поскольку жесткая воинская дисциплина монголо-татар, обеспечившая невероятные победы во многочисленных войнах Орды, требовала авторитарного стиля управления войсками, что во влиянии на Московию трансформировалось в жесткую государственную власть с явным акцентом на ее сакральный характер. «Москва обязана своим величием ханам», русское «единодержавие зародилось во время татарского завоевания как неизбежное последствие покорения страны и обращения в собственность завоевателя», в итоге «объединение Руси вокруг Москвы было добрую половину татарским делом» [10, с. 383]. Есть все основания полагать, что практическое же устройство государства и, что самое главное, фундаментальный вектор его пространственного оформления были в значительной степени «калькированы» с империи татар [23, с. 57-58].

Во-вторых, в период монголо-татарского ига произошла огромная метисизация, т.е. возникло межрасовое смешение. Впоследствии появились новые татарско-русские дворянские роды, и со временем возник новый антропологический тип «человека служения», дисциплины и огромной пассионарной напряженности, которого Киевская Русь не знала. Изрядная часть русских дворянских родов считала своими основателями именно выходцев из Золотой Орды [4, с. 325]. Большая их часть бежала под покровительство Московского государя во время великой смуты (Великой Замятни) в Золотой Орде, которая продлилась с 1359 по 1380 гг. [5, с. 382].

Хотя татарский язык принадлежал к тюркской языковой группе и, следовательно, был как бы чужим языковой и ментальной культуре славянства, непостижимым образом он оказался комплиментарен именно образу жизни русских и в конечном итоге северно-русскому этническому типу. В этнологической концепции Л. Н. Гумилева комплиментарность двух основных суперэтносов страны совершенно положительна. Удивительно, но захватчики и покоренный народ понимают и уживаются друг с другом, что и явилось на деле залогом не только создания Московского государства, но и дальнейшего территориального расширения Российской империи. Со временем Россия вышла из-под ига в виде, может быть, и «неладно скроенного», «но крепко сшитого» православного государства, спаянного внутренней духовной дисциплиной и единством «бытового исповедничества», проявляющего силу экспансии вовне [23, с. 263-264].

Вообще, по-видимому, именно татары приучили русских подчиняться и ревностно служить единому государю (в татаро-монгольском аналоге кагану, потом великому князю, потом царю, потом императору, и эти авторитарные тенденции в устроении властного механизма в России при всех зигзагах исторического процесса оказались, по всей вероятности, незыблемыми), что дало Руси крепкую государственность и новую социально-гражданскую, а затем и правовую систему. Так, в результате этих сложных и накладывающихся друг на друга социокультурных процессов и реалий возникло особое «служивое» сословие. Твердая власть нуждается в поддерживающей ее силе. Эту силу власть и нашла в лице особого социального слоя «служивых людей» («люди государевы»), охотно торговавших своими саблями [5, с. 246]. Служивое сословие было «свободными атомами», то есть людьми «длинной воли» [Там же, с. 383], не связанными с классами и сословиями тех стран, где они пребывали. Воины-профессионалы с энтузиазмом и не без выгоды служили щедрому вождю, выполняли самые трудные задания, поскольку татары XVI века были лучшими в мире специалистами по конному строю и маневренной войне [Там же]. Именно поэтому татарский язык стал некой лингвистической основой воинской, политической и социально-гражданской модернизации Российского государства, на основании которой созидалось будущее служивое сословие, а затем посредством этого воссоздалось централизованное государство и сформировалось воинское дело.

В силу всего вышесказанного мы вправе утверждать, что татарский язык выступил трикстером, то есть нарушителем сложившихся устоев и традиций, привнесшим элемент хаоса в существовавший порядок, и одновременно инициатором глобальных социокультурных изменений на Руси. Он послужил посредником между двумя мирами и социальными группами, способствующим обмену между ними жизнеустроительными культурными ценностями, а также «добытчиком» новых знаний, проводником неподконтрольному никому воздействия высших сил истории, результат действия которых оказался совершенно непредсказуемым. Более того, татарский язык в качестве трикстера выступил предшественником нового культурного героя – польского языка, выступившего инициатором последующих социокультурных трансформаций в России.

В XVI веке Речь Посполитая достигла успехов в развитии культуры, науки. Постепенно преодолевая культурно-лингвистическое нашествие монголо-татарщины, ставшее поистине всенародным явлением, происходит проникновение на Русь западной польской культуры, в целом враждебной большому русскому народу. Именно Речь Посполитая привнесла в Россию особую европеизированную культурную атмосферу, моду, манеры, формы поведения, вольность в поведении аристократии, наконец, даже польскую словесность. Русский язык в XVI в. был переполнен полонизмами и польскими искусственными кальками немецких слов. Более того, польский язык вообще стал на Руси в XVI в. языком аристократии, влияние и значительность которого с течением времени все возрастала в связи с ополячиванием русских правящих классов в традиционно русских областях культуры и жизнепонимания, а также в геополитических пространствах, в конечном итоге чуть не попавших под польское владычество. Есть все основания полагать, что именно выбор языка (как вполне интеллектуально осознанный, так и бессознательно-подражательный) как основы культурного строительства, основы жизнепонимания и жизнеустроения, а также политико-экономических модернизаций для государственной элиты той или иной страны может разрушить государство или объединить его, возвысить или поставить под угрозу полного уничтожения. Однако если элита заимствует язык, который народ принял и которым живет духовно-ценностно и гражданско-созидательно, то для государства

никакой социально-гражданской опасности не существует. Если же элита заимствует чужой иностранный язык как антагонистичный языку своего народа по духовно-ценностным и ментальным установкам и некомплиментарный ему социокультурно, то будущее этого языка и, соответственно, его элитарного «носителя» оказывается под вопросом. Полонизм, с одной стороны, украсил Русь и европеизировал ее частично, а с другой стороны, несомненно, развратил. Элементы этой культуры, «искусственно надетые с чужого культурного верха» [23, с. 263-264], подорвали некоторую глубинность и ценностную основу появления государства. И в этой связи осмелимся сравнить культуру России XVI века с «аптекой» [22, с. 153] (парадоксальная и интересная мысль И. Л. Солоневича), в которой наклейки, обозначающие явления, ценности и вещи радикальным образом были перепутаны. Русские правящие классы брали чужие европейские «наклейки», переводили и приклеивали их на национальную действительность, образуя круг понятий, не соответствующий русской действительности, тем самым вызывая непонимание, неприятие и зачастую откровенное раздражение у народа. Так, Н. С. Трубецкой [24, с. 133] отмечал, что в результате влияния польского языка на разговорный язык высших классов получилась пестрая и неоформленная смесь польского с церковнославянским при почти полном отсутствии специфически русских элементов. С. Ф. Платонов так описывает события тех лет: «Именно на Грозном и видна сила новых культурных веяний в московской жизни. Охранитель ветхих верований и идеалов, он сам настолько подался в сторону “варварской” новизны, что возбудил, как мы видели, изумление и негодование московских националистов, считавших, что “вся внутренняя его в руку варвар быша”. Младенческое состояние культурно-политической мысли в ту эпоху не могло установить внутреннюю связь между различными сторонами жизни: боясь новшеств в сфере идей и верований, охотно шли на материальное заимствование со стороны» [15, с. 5].

Именно потому этот искусственный неуклюжий язык не удержался. Удаленный от многих культурных центров, задавленный борьбой за существование и порабощенный татарами народ не мог ни принять элементы польской культуры, ни уж тем более жить ими. На наш взгляд, в этом вынужденном и почти искусственном воздействии польского языка на Русь просматриваются элементы самой настоящей карнавализации [3, с. 62], мощно проявившейся впоследствии в эпоху петровских времен как транспортировка «нового модуса» взаимоотношений на все: на все ценности, мысли, явления, вещи [Там же, с. 62-63]. Вообще, карнавальное языковое действо пронизало аристократию в России подлинно карнавальными категориями, карнавальным мироощущением: вольными фамильярными контактами, карнавальными мезальянсами, профанацией. В смене языковой культурной атмосферы, формах поведения и стилях жизни также просматриваются обряды карнавала.

Когда же под влиянием полонизма боярством была предпринята попытка создать независимое элитарное сословие, говорящее на польском и латыни и независимое от власти государя, оказалось, что они стали социокультурной оппозицией государству и особенно народу, говорящему на татарском и русском, и эта социокультурная и языковая полонизация русской элиты со временем едва не привела к распаду государства, что не замедлило привести к роковым историческим последствиям: смене правящей династии, гражданской войне и, наконец, новому социально-политическому «трансформированию» государства. Все эти сложные социокультурные и лингвистические трансформации неизбежно вызвали в конце XV – начале XVI века разрушение и «раздвоение» той «нравственной цельности общества между верхами и низами», которое было присуще, по словам В. О. Ключевского, старорусскому обществу.

«Бояре возомнили себя властными советниками государя всея Руси в то самое время, когда этот государь, оставаясь верным воззрению удельного вотчинника, согласно с древнерусским правом, пожаловал их как дворовых слуг своих в звание холопов государевых. Обе стороны очутились в таком неестественном отношении друг к другу, которого они, кажется, не замечали, пока оно складывалось, и с которым не знали что делать, когда его заметили» [10, с. 287].

Именно в конце XVI столетия и происходит расслоение «социокультурного поля», в котором высшая аристократия (т.е. аристократия боярская) образует некий особый, почти «кастовый» слой, говорящий на польском, латинском языках, в противоположность которому со временем определяется некая культурно-лингвистическая народная оппозиция, состоящая из этнических русских и мешающихся с ними татарами. Их языком становится формирующийся великорусский как язык межнационального общения и татарский как иностранный. Возникает практически неразрешимое социокультурное противоречие и впоследствии архисложная социально-политическая ситуация в стране: боярское сословие, ориентированное на Европу и говорящее на польском и латыни, с одной стороны, и, с другой – низшее служивое сословие, развивающее некое этнокультурное двуязычие, являющееся симбиозом великорусского и татарского, ориентированное на строительство национальной России.

Вследствие этой крайне противоречивой лингвосемантической ситуации, чреватой множеством социокультурных и гражданско-политических коллизий, когда элита предпочитает польский, а народ – русский язык с некоторыми вкраплениями татарского, возникает двойная билингвистическая дихотомия: элита государства предпочитает польский в качестве языка культурно-исторической модернизации, а народ говорит на русско-татарском в качестве основы государственного строительства.

Закономерным следствием этой лингвистической коллизии, воспринимаемой народом как измена вере, царю и Отечеству, явилось уничтожение великой династии Рюриковичей и появление Великой Смуты, длившейся практически 10 лет, закончившейся восстанием Минина и Пожарского и последующим освобождением Москвы. Таким образом, полонизм не только не лег в основу модернизации государства, но практически поставил под сомнение сам факт его существования. Мы видим основную причину этого в следующем: многочисленные и различные иноверцы (татары, турки, римские католики и проч.), несмотря

на всю их образованность, представляют собой слабую духовно-нравственную величину в отношении господствующего в России восточного христианства и славянской народности. «Как бы ни старались унижать дарования славянской расы и русского народа, в особенности, как бы ни превозносили способностей, значения и влияния некоторых русских инородцев, как бы ни преувеличивали естественных и культурных преград успешному в будущем росту русской образованности, русский народ все далее раздвигает границы своей речи, Церкви и государства, открывая новые и совершенствуя разработку старых источников духовного развития и материального богатства» [20, с. 198]. Народ продемонстрировал «большие силы созидательного, консервативно охранительного, духовно здорового объединяющего начала» [13, с. 4].

Как мы уже отмечали выше, Россия XVI века, будучи страной-лагерем, переживала глубокие политические, экономические и социокультурные трансформации. Есть все основания полагать, что в XVI в., контактируя с внешней оппозицией и ориентируясь на внешний мир, страна представляла собой не сильное государство, а некое «лоскутное одеяло», состоящее из разрозненных, отличных по форме и содержанию отдельных княжеств, вольных городов-государств. Осмелимся предположить, что татарский и польский языки, понимаемые как антиномические и внутренне противостоящие друг другу лингвистические начала, сыграли не последнюю роль в социокультурной модернизации страны. Татарский язык здесь действительно выступил трикстером, то есть нарушителем сложившихся устоев и традиций, привнесшим элемент хаоса в существовавший порядок, и одновременно инициатором глобальных, но в целом позитивных социокультурных изменений на Руси. Фактически он послужил посредником между двумя мирами и социальными группами, способствуя обмену между ними культурными ценностями и также будучи «добытчиком» новых знаний, проводником своеобразного воздействия сложной исторической и социокультурной динамики. Польский же язык, с одной стороны, украсил Россию, с другой – едва не поставил под сомнение сам факт существования государства. Мы можем предположить, что Россия в XVI веке испытала два типа фундаментального языкового влияния на русский язык. Влияние татарского языка оказалось комплиментарным социокультурным преобразовательным задачам развития страны, хотя это был язык захватчиков и поработителей, в то время как влияние польского языка как языка своеобразной культурной «интервенции» оказалось резко деструктивным для культурного развития нашей страны. Испытав архисложные политические, социокультурные трансформации, Россия смогла воссоздать новый тип государства со своеобразным типом культуры, христианским по духу и этатистским по задачам и формам социально-политического строительства. И нельзя не заметить, что пережитые в ту историческую эпоху социокультурные лингвистические трансформации, правда, в новом культурно-ценностном аспекте, продолжают оставаться действительно актуальными и в настоящее время.

Список литературы

1. **Аракин В. Д.** Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках: сборник. М.: Наука, 1974. С. 112-147.
2. **Баскаков Н. А.** Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1980. 279 с.
3. **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 167 с.
4. **Боханов А. Н., Горинов М. М.** История России с древнейших времен до конца XX века: в 3-х кн. М.: АСТ, 2001. Кн. I. История России с древнейших времен до конца XVII века. 325 с.
5. **Гумилев Л. Н.** Древняя Русь и великая степь. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 839 с.
6. **Гумилев Л. Н.** Черная легенда. Друзья и недруги великой степи. М.: Айрис-пресс, 2002. 564 с.
7. **Данилевский Н. Я.** Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд-е 6-е. СПб.: Глаголъ; Санкт-Петербургский университет, 1995. 574 с.
8. **Карамзин Н. М.** История государства Российского. М.: Эксмо, 2007. 1020 с.
9. **Ключевский В. О.** Избранные лекции «Курса русской истории». Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 671 с.
10. **Ключевский В. О.** Курс русской истории: в 5-ти т. М., 1959. Т. 2. 959 с.
11. **Ламанский В. И.** Геополитика панславинизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.
12. **Ламанский В. И.** Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 922 с.
13. **Нарочницкая Н. А.** Сосредоточение России. Битва за русский мир. М.: Книжный мир, 2015. 313 с.
14. **Первое и второе послания Апостола Павла к Коринфянам.** Тверь: Герменевтика, 2006. 489 с.
15. **Платонов С. Ф.** Москва и Запад. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. 283 с.
16. **Платонов С. Ф.** Русская история. М.: Русское слово, 1996. 400 с.
17. **Почепцов О. Г.** Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1990. № 6. С. 110-122.
18. **Радбиль Т. Б.** Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2012. 325 с.
19. **Сахаров А. Н.** История России с древнейших времен до начала XXI века: в 2-х т. М.: АСТ; Астрель; Хранитель, 2007. 943 с.
20. **Соловьев С. М.** История России. Иван Грозный. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 304 с.
21. **Соловьев С. М.** Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. 768 с.
22. **Солоневич И. Л.** Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
23. **Трубецкой Н. С.** Наследие Чингисхана. М.: Эксмо; Алгоритм, 2012. 336 с.
24. **Трубецкой Н. С.** Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. М., 1990. № 2. С. 122-139.
25. **Хомяков А. С.** Сочинения: в 2-х т. М.: Медиум; Моск. филос. фонд, 1994. Т. 1. 590 с.
26. **Babcock-Abrahams B. A.** Tolerated Margin of Mess: The Trickster and His Tales Reconsidered // Journal of the Folklore Institute. 1975. Vol. 11.1.3. P. 147-186.

FOREIGN LANGUAGE AS A TRICKSTER OF SOCIAL CHANGES AND SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION (BY THE EXAMPLE OF RUSSIA OF THE XVI CENTURY)

Vasilenko Ol'ga Alekseevna
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences
vasilenko201076@mail.ru

The article reveals a problem of foreign languages mastering as a social and cultural one, as a trickster of social changes and socio-cultural modernization in Russia in the XVI century. Special attention is paid to a thesis that any foreign language in each concrete country, and particularly in Russia, produces true revolution in lifestyle, attitudes, habits, everyday life and tempers of average men generating the approach of a completely new historical epoch.

Key words and phrases: foreign language; trickster; socio-cultural modernization; socio-cultural paradoxes; socio-political, economic, socio-cultural transformations.

УДК 111
Философские науки

Статья посвящена актуальной теме исследования феномена видеоигр и конструируемых ими виртуальных миров. Предложено авторское определение понятия «виртуальный мир видеоигры». Выявлена структура виртуального мира видеоигры, описаны его основные элементы, свойства и характеристики. Показана многослойность виртуального мира видеоигры на примерах. Сделан вывод о том, что виртуальный мир видеоигры обладает собственным бытием.

Ключевые слова и фразы: структура видеоигры; виртуальный мир видеоигры; философия видеоигр; Архитектор виртуальных миров; Наблюдатель; «околоигровые феномены»; многослойность; симулякр.

Галанина Екатерина Владимировна, к. филос. н.
Акчелов Евгений Олегович
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
galanina@tpu.ru; seismopro@tpu.ru

A POTENTIA AD ACTUM[1]: ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР ВИДЕОИГРЫ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-33-01069.

Сегодня видеоигры распространены повсеместно. Количество людей, играющих в видеоигры, растет с каждым годом. Видеоигры значительно влияют на современную культуру. Они конструируют различного рода виртуальные миры, элементы которых, с одной стороны, проникают в реальную действительность и продолжают свое существование посредством «околоигровых феноменов» (например, ролевые игры живого действия, косплей, «фанфикшн» и др.), с другой стороны, виртуальные образы обретают свою бытийственную форму, конструируют реальное, не имея собственных истоков в реальном.

Виртуальные миры видеоигр представляют собой пространство симулякров, которое позволяет осуществлять социальное взаимодействие, а также вовлекает пользователей в новый тип экономических отношений (виртуальная экономика, симулятивная экономика, экономика симулякра) [8; 13], изменяя тем самым современный социально-экономический ландшафт. Как отмечают О. В. Губарь и др., множество аватаров, населяющих сегодня виртуальные миры видеоигр, вовлечены в экономические отношения, основанные на перераспределении ресурсов, кооперации труда, торговле, изготовлении и потреблении благ [9, с. 207]. Таким образом, видеоигры и конструируемые ими виртуальные миры являются значимыми социокультурными феноменами, требующими отдельного философского исследования.

Видеоигра представляет собой сложный и многогранный предмет исследования. Видеоигра существует на множестве уровней нашего восприятия. Видеоигра, согласно Я. Богосту, есть определенный компонент программного обеспечения, созданный и запущенный на определенном компьютерном оборудовании в определенный момент времени [1, с. 87]. В том числе видеоигра – это код, платформа, а также нарратив, цифровое медиа, новая форма искусства и пр. [3, с. 48].

Видеоигра выходит за свои границы: это уже не просто игра, она конструирует некий новый мир, продолжающий свое существование за пределами игры как таковой. Видеоигра всегда оказывается нечто большим, чем она изначально задумывалась. Каждая видеоигра представляет собой отдельный мир, существующий по определенным законам [2, с. 44]. Формируя виртуальные миры с собственными правилами и законами, объектами и персонажами, ценностями, коллективными представлениями и нормами поведения, видеоигры значительно влияют на массовое сознание и современную культуру.

---

[1] От возможного к действительному (лат.).